

и ценности моей жизни

■ В ЧЕТВЕРГ ПОУТРУ С АЛЕКСЕЕМ БАТАЛОВЫМ

Всем известно, что Алексей Баталов — родом со знаменитой Ордынки, где в доме писателя Виктора Ардова и актрисы Нины Ольшевской, можно сказать, перебивал весь цвет русской интеллигенции середины XX века. Но сам Алексей Владимирович все чаще повторяет, что он к тому же родом из 58-й статьи. Поэтому заряд инкомыслия пронес через всю жизнь и сохраняет его и сегодня.

Во многих бедах виноваты... интеллигенты

■ Как вы ощущаете сегодняшний день — интересуют вас политические бури или кажутся бурей в стакане воды?

— С ДАВНИХ времен для меня политические обвалы — как стихийные бедствия. Рассуждать некогда — как говорит чеховская Соня: «Надо жить, дядя Ваня, надо жить...» А значит — выкарабкиваться, работать, помогать близким, терпеть. Так жили наши папы и мамы. Теперь у нас свои смутные времена, потрясения, грязь с камнями, кровь. Но жить-то надо — дыхание не останавливать.

А политика просто не успевает быть человеческой. Потому что занимается народными судьбами, странами, регионами и — обязательно — будущим. Возиться сегодня с конкретным человечком ей не дано. Вот старуха упала от голода на улице, и сколько бы там наверху ни обсуждали прекрасный закон о пенсиях, на самом деле он ей уже не пригодится, и любой добрый человек рядом куда важнее. Давно известно, что именно на крутых поворотах, когда политические бури проникают в каждый дом, люди разобщаются, теряют ориентиры, озлобляются, брат не понимает брата, родители детей. Все это было и в гражданскую войну, и теперь вылезает на каждом шагу то одним, то другим горем.

■ У вас есть личная позиция по отношению к войне в Чечне?

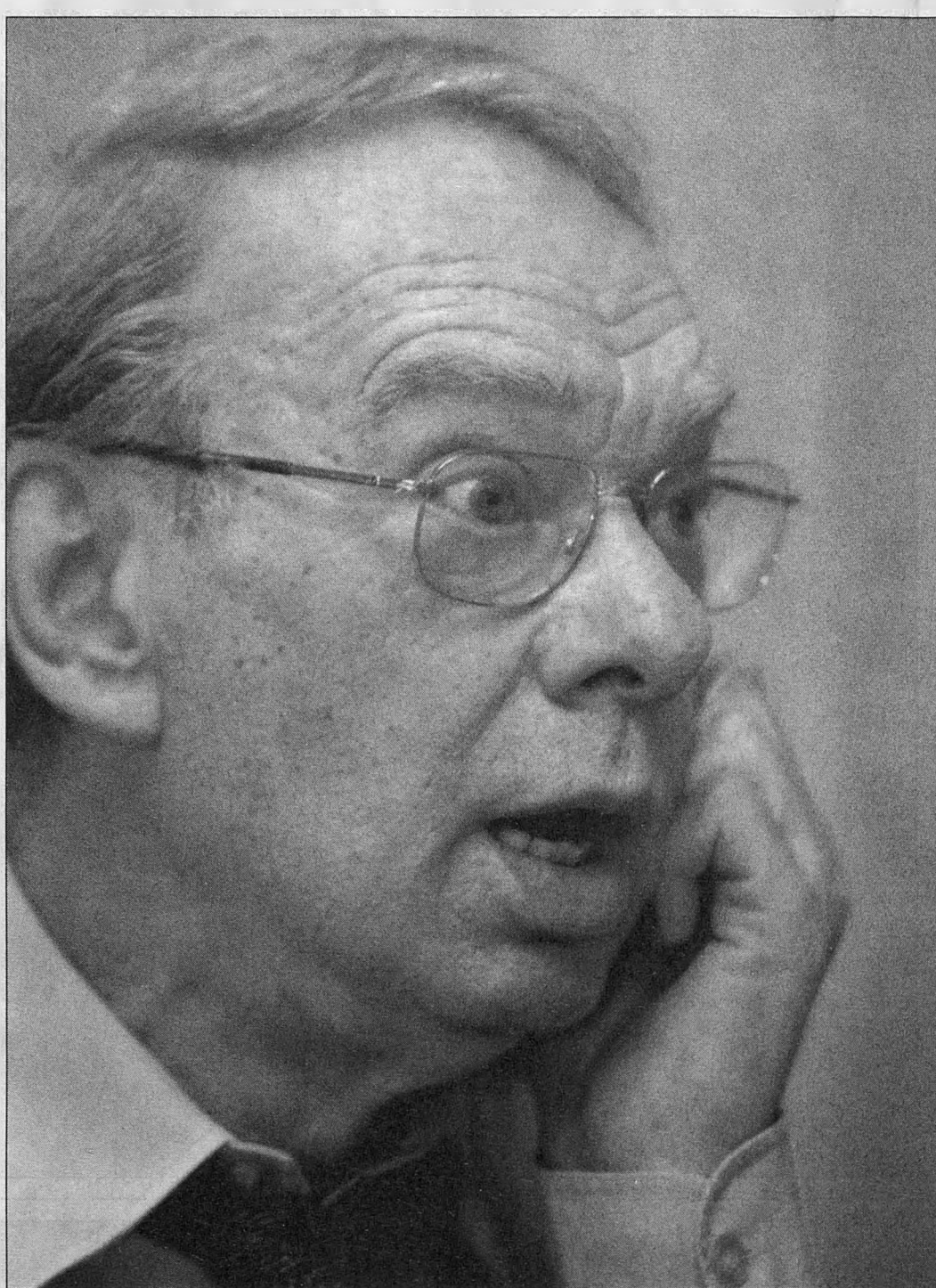
— Я ИЗ ВОЕННОГО поколения. Очень хорошо помню чувство конца войны. Дорогу из эвакуации в Москву. Позади — Берсут, Бугульма, Уфа, Чистополь, Казань. Это было жуткое ощущение победы. И День Победы для меня не просто патристическая дата, а личный праздник, хотя со слезами и потерями, но день славы. А когда речь идет о чеченской войне, у меня нахлынут воспоминания эти чувства. Чечня — это не война. Это убийство с участием, о которых открыто объявляют зачеховские последователи и ученики наших задаленных первооткрывателей.

Однако позвольте сказать, что звание интеллигента — это вовсе не индульгенция, обретающую за счет знаний или происхождения человек обязательно становится на путь добродетельной, безгреховной, подвижнической жизни. Увы, это люди со всеми пороками, терзаниями и дурью, которые можно отыскать и в любом другом сословии. Абсолютно независимо от вклада в хранилище общечеловеческих ценностей это может быть и пьянь беспробудная, и сквернослов, и развратник, и конформист, и доносчик, и предатель, и ханжа, и провокатор, и черный завистник, и т.д. и т.п.

■ А вы лично нашли для себя ответы на проклятые русские вопросы «что делать?» и «кто виноват?»

— МОЖЕТ, я не подпадаю никакой пропаганде потому, что родом из 58-й статьи. Меня этому никто специально не учил, не наускивал, но этого и не требовалось. Я и без объяснений с раннего детства знал, что моя бабушка, замечательный врач Владимирский больницы, никогда не была врагом народа. И дедушка не был, и дядя не был. Дед лежит в общей могиле Владимирской тюрьмы, дядю расстреляли, бабушка умерла уже после войны. Всех их реабилитировали после смерти. Дома множество взрослых постоянно говорили о них, чем-то старались помочь. И потому двойная жизнь — одна в школе и на дворе, другая дома — была постоянной нормой существования. Вместе с возрастом, и по мере того как открывались такие же судьбы близких нашей семье людей, выяснилось и кто виноват, и что делать надо все же: стараться помочь тому, кто остался, и тем, кого забрали. Я возил Ахматову на 101-й километр отправлять посылку ее сыну Лева. Почему-то по правилам отправлять эти четыреста грамм могла только мать и только за сотым километром от Москвы. Забавно, что абсолютное большинство людей в это время было убеждено, что Ахматова живет за границей, ест белогвардейский хлеб и пишет про Россию гадости.

Всех проклятых вопросов и без — Я НИКОГДА даже и мечтать не мог, что доживу до времени, когда в Россию вернутся ее светлые праздники с колокольным звоном, имена ее подвижников, страдальцев, великих мыслителей, ученых, писателей, деятелей театра, художников, короче, тех, кто воплощает загадочное чудо российской духовности. Что я сам вместо мычания смогу за границей о них рассказывать, читать их стихи. Вместе с Марией Постниковой, моей постоянной партнершей во всех гастролях, мы, как только стало возможно, осуществили первую в России постановку Бунина. Это был радиоспектакль по самым знаменитым его рассказам, жаль на телек не хватило денег, мог бы получиться и первый бунинский фильм.

Рассказы венского стула

ность пролетариату кроется в стихах какой-то Ахматовой? Все мутно! Неубедительно. Конечно, наверное, запутались ребята, но в общем даже жалко их — с Махно или с кулаками их рядом не поставишь. А сегодня эта догадка предстала целым списком величайших потерь и отставаний, о которых открыто объявляют зачеховские последователи и ученики наших задаленных первооткрывателей.

■ А вы лично нашли для себя ответы на проклятые русские вопросы «что делать?» и «кто виноват?»

— МОЖЕТ, я не подпадаю никакой пропаганде потому, что родом из 58-й статьи. Меня этому никто специально не учил, не наускивал, но этого и не требовалось. Я и без объяснений с раннего детства знал, что моя бабушка, замечательный врач Владимирский больницы, никогда не была врагом народа. И дедушка не был, и дядя не был. Дед лежит в общей могиле Владимирской тюрьмы, дядю расстреляли, бабушка умерла уже после войны. Всех их реабилитировали после смерти. Дома множество взрослых постоянно говорили о них, чем-то старались помочь. И потому двойная жизнь — одна в школе и на дворе, другая дома — была постоянной нормой существования. Вместе с возрастом, и по мере того как открывались такие же судьбы близких нашей семье людей, выяснилось и кто виноват, и что делать надо все же: стараться помочь тому, кто остался, и тем, кого забрали. Я возил Ахматову на 101-й километр отправлять посылку ее сыну Лева. Почему-то по правилам отправлять эти четыреста грамм могла только мать и только за сотым километром от Москвы. Забавно, что абсолютное большинство людей в это время было убеждено, что Ахматова живет за границей, ест белогвардейский хлеб и пишет про Россию гадости.

ды, по-моему, возникают из того, что каждому поколению хочется, чтобы история была размером в его жизнь. Честно говоря, мне кажется, что во многих наших бедах виноваты, кроме Пугачева, и весьма передовые, образованные люди своего времени. Кто отменил простые и вечные заповеди христианства — разве мужики, которые ничего не читали? Нет, это интеллигенты, которые в соответствии с теорией принялись строить новую жизнь. Они придумали, что надо как можно быстрее покончить с рабством. Это хорошо. Но при этом как-то незаметно убрали и совесть, и нравственность. А «Кокаинетка», воспеваемая Вертинским? Кокаин-то тоже в Москву привозили не крепкие на ногах политические пацаны, во всем себе отказывают, чтобы заранее купить унрабство мамы и Виктора Ефимовича Ардова, которые, с одной стороны, ничего не боялись в самые страшные времена, а с другой стороны, были необычайно добрыми к разным, от самого верха до самого низа, людям, и поэтому много делали настоящего, конкретного добра. Скажем, из тюрьмы Лидия Андреевна Русланова пришла прямо в наш дом. И ее первое свидание с освобожденным вскоре мужем тоже было у нас. Да господа, если поставить табуретку среди этих людей, то и она сформируется в венский стул, а потом будет вспоминать. Так что это — не моя коллегия, а просто мое великое счастье.

■ Сейчас явно завершилась эпоха перестройки — большие надежды и большие разочарования 85–99-го годов. Что принесла она в вашу жизнь?

— Я НИКОГДА даже и мечтать не мог, что доживу до времени, когда в Россию вернутся ее светлые праздники с колокольным звоном, имена ее подвижников, страдальцев, великих мыслителей, ученых, писателей, деятелей театра, художников, короче, тех, кто воплощает загадочное чудо российской духовности. Что я сам вместо мычания смогу за границей о них рассказывать, читать их стихи. Вместе с Марией Постниковой, моей постоянной партнершей во всех гастролях, мы, как только стало возможно, осуществили первую в России постановку Бунина. Это был радиоспектакль по самым знаменитым его рассказам, жаль на телек не хватило денег, мог бы получиться и первый бунинский фильм.

исходит сегодня, я не готов. Я, конечно, понимаю, что во времена реформ никогда сразу ничего хорошего не было. И когда Петр Первый делал свою перестройку, то почти четверть населения погибла от жестких нововведений. Все было — и колокола переливались на пушки, и церковные дела контролировал какой-то военный господин, и кругом воровство, и рабский труд на великой стройке... Не правда ли, похоже на следующий рынок? Так что приходится признать, что перестройки у нас всегда шли тяжело. Но ужасно то, что сейчас, на наших глазах оказалось обезлюющим абсолютное большинство честно и трудно отработавших свой век людей.

Сегодня бедные старики надевают на ноги полиэтиленовые пакеты, во всем себе отказывают, чтобы заранее купить унрабство мамы и Виктора Ефимовича Ардова, которые, с одной стороны, ничего не боялись в самые страшные времена, а с другой стороны, были необычайно добрыми к разным, от самого верха до самого низа, людям, и поэтому много делали настоящего, конкретного добра. Скажем, из тюрьмы Лидия Андреевна Русланова пришла прямо в наш дом. И ее первое свидание с освобожденным вскоре мужем тоже было у нас. Да господа, если поставить табуретку среди этих людей, то и она сформируется в венский стул, а потом будет вспоминать. Так что это — не моя коллегия, а просто мое великое счастье.

■ Когда жизнь сжимается до точки

Жили мы сначала в первом писательском доме на улице Фурманова, его уже снесли. В нашем подъезде жил Мандельштам, там его арестовали, когда Ахматова была у нас в гостях. Тогда в этом доме жил и Булгаков, у которого был такой же пасынок, как я у Ардова. А дети Ильфа и Петрова были самыми близкими моими товарищами... Обитали мы на первом этаже, Булгаков приводил к нам пасынка, мы вылезали прямо в окно — гулять, а взрослые о чем-то своем разговаривали.

Из этого времени я помню мало. Например, как Зощенко рассказывал сказку. Было собрание взрослых, и Зощенко попросили как-то успокоить детей: меня и Петю Петрова загладили спать, а он сел у кровати. Сказка была такая. Мама одевала мальчика утром и, торопясь, в одну минуту выслала две ноги. Родители вызвали врача из поликлиники, потому что ребенок не мог стоять и все время падал. Уже взрослым я узнал эту сказку в одном из рассказов Зощенко.

Потом, когда переехали на Ордынку, во дворе под окном столовой у нас был пост. Там, если к нам приходили гости, стоял

поколения сбитых с толку ребят, он вместе с ними пришел. Вы скажете — исключение? Да, конечно, но они все-таки есть.

Иначе многого объяснить нельзя. Сейчас учился человек с прекрасным музыкальным образованием. Он может каждый вечер работать в любом клубе или ресторане. Другой — с двумя курсами врачебного образования, детский врач. Рядом человек, который уже воевал. Я говорю: тебя же в армию заберут, у нас же нет военной кафедры. «Я был в Чечне», — ответил он и стал читать то, что приготовил на актерский конкурс. Это уже сложный, цельный человек. И зачем-то ему это нужно. Так что они есть, эти странные, устремленные к своей цели ребята. И не где-то далеко, и не только в литературе, а сейчас, здесь, рядом с нами.

Так и должно быть. Они люди другого времени, нравятся нам это или нет. Мерзость, всеисие денег и пустого западничества, как и все на свете, имеет и оборотную сторону. И сейчас стало заметно, как молодые хватаются за традиционно российские черты, дабы выделиться из общего одноцветного потока. В отличие от наших времен они не боятся безработицы, поскольку мест, где можно показать себя, теперь в десятки раз больше. Если ты что-то можешь, не обязательно годами ползать на брюхе перед главным режиссером, а можно просто показаться другому. Но тут уж надо и вправду уметь что-то делать лучше других. Общество расслабилось, разбежалось по имущественному и сословному цензу, но оно же и породило век лихидеев. От голых секс-крейтивов и кормящихся с них теоретиков до античных шестисаговых спектаклей и шоу в ночных клубах — везде кто-то кувыркается в угоду собравшейся публике. Туповатое с дельными реакциями и неразвитами нервами море жвачных подростков кохует от зрелища к зрелищу, как в засуху бизоны к водопою. И, конечно, до МХАТа тут еще далеко топтать. Хлеба и зрелищ! — как сказали нам еще на заре масскульты античные мудрецы.

■ А от какой традиции тогда бежали молодые делать «Современник»?

— ВО-ПЕРВЫХ, возможность играть. Группа МХАТа составляла 140–150 человек. Пришли молодые люди. Я в том числе. Скажете, пожалуйста, когда пойдем мы охотиться? Вот я и играл эпизоды, массовки. Потом была крошечная роль Васильчикова — 20 слов в спектакле о Лермонтове. И это было счастье, что я играл. Но где появиться? А «Вечные жизни» — это новый репертуар. Открытие. «Голый король» по тем временам — немислимый для классического МХАТа спектакль. Хотя поворот с таким театром, как МХАТ, тогда было почти самоубийством.

■ А почему было не сделать чего-то советского?

— ВОТ именно тут-то я окончательно провалился. Я сделал, и до сих пор дома лежит. Это был сценарий по прозе Володи Максимова, который мы вместе с ним писали. Но Володя на коллегии сказал «им» все, что он про них думает: ему приказали убрать из сценария сцену ареста отца героя. А потом автор сбежал за границу. Второй попыткой была экранизация Владимира «Три минуты молчания». Вышло точно так же, как с Максимовым: я оказался другом злодея и предателя.

■ Неужели не заманчиво сыграть Гошу из фильма «Москва слезам не верит» двадцать лет спустя?

— ДА ЗАМАНЧИВО, конечно. То, что фильм двадцать лет помнят — это еще один счастливый дар судьбы. И я очень благодарен Володе Меньшову, что он меня тогда позвал: он же сам прекрасный актер и сам бы мог стать Гошей. А роль такая *самонаправленная*, что ее просто невозможно сыграть плохо. Но если говорить о продолжении, мне оно не кажется необходимым. Там же все кончается хеппи-эндом. А хеппи-энд делается из того, где при монтаже режиссер историю оборвет — важно только в нужном месте обрезать. Как-то Толстого спросили, почему он плохо относится к Мопассану. Лев Николаевич ответил: «Он не же заканчивает роман тем, что они поженились. У меня такое впечатление, будто человека впустили в клетку с тигром и на этом прервали повествование». Так что история совместной жизни по-русски — это «Анна Каренина». А ее уже сняли, и не раз.

дежурный из «органов». Когда я, уже студентом, возвращался из мхатовской студии, то заглядывал сквозь арку: если стоит человек, значит, дома много народу. Собирались и бывали вдова Мандельштама, Ахматова, Пастернак, Лидия Корнеевна Чуковская, Радневская, Эрлман, Вольпин... Несколько вечеров, разложив рукописи на обеденном столе, Пастернак читал собравшимся «Доктора Живаго». Вот такая первая публикация романа...

Но главной и самой близкой была великая Ахматова, которая, приезжая в Москву, подолгу жила у нас в шестиметровой комнате и считала, что ей там уютнее, чем где бы то ни было. Моя мама была той, кому она доверяла свои секреты. На фотографии, подаренной маме, сохранилась надпись рукой Ахматовой: «Ниночка, которая все про меня знает...» Мама никогда ничего не рассказывала об Ахматовой, полагая, что все, что нужно, Анна Андреевна написала сама.

Я не шучу, когда говорю, что мои представления и поступки — только следствие того, что они собой представляли и как поступали. Страшная жизнь в те времена *отсортировала* всех по очень жестким меркам. Те великие, обожаемые мною люди, которых я видел на Ордынке, жили и работали под тяжелейшим прессом. Известно, что после такого давления где-то в преисподней графит превращается в бриллиант.

■ Художественный театр на протяжении его истории много раз хоронили. И много раз пытались вернуть его традиции. А сегодня есть ли к чему возвращаться?

— ГЛАВНАЯ черта настоящего МХАТа — это погром традиций. Не как попало, грязно и поверхностно, как порою делают тестеры в угоду кассе и массовому зрителю, а строго по направлению, ведущему к раскрытию человека во всей его многосложности и глубине. Война гастролерству, халтуре во всех звеньях спе-

провала в столице, с завидным успехом сыгран в манере труппы спектакль по пьесе г-на Чехова. Тут все обошлось, на занавесе появилась Чайка, и безумные поиски обернулись славой.

Самым страшным ударом, который можно нанести этому театру, стало утверждение его метода как некоего образчика социалистической культуры. Живая ткань покрылась бетоном догмы, и этой каменной кувалдой убивали все живое на сцене, в том числе и тех, кто вышел из этой традиции. Заколотили театр Михаил Чехова, придавили Коонен и Тайрова, замучили и расстреляли Мейерхольда. Вахтангов успел умереть сам.

■ А от какой традиции тогда бежали молодые делать «Современник»?

— ВО-ПЕРВЫХ, возможность играть. Группа МХАТа составляла 140–150 человек. Пришли молодые люди. Я в том числе. Скажете, пожалуйста, когда пойдем мы охотиться? Вот я и играл эпизоды, массовки. Потом была крошечная роль Васильчикова — 20 слов в спектакле о Лермонтове. И это было счастье, что я играл. Но где появиться? А «Вечные жизни» — это новый репертуар. Открытие. «Голый король» по тем временам — немислимый для классического МХАТа спектакль. Хотя поворот с таким театром, как МХАТ, тогда было почти самоубийством.

Высота принятия решения

■ Часто ли вам пришлось в жизни совершать такие же серьезные шаги, как уход из МХАТа? Вы уже почти двадцать лет не снимаетесь в кино — легко ли отказываться от карьеры, материально-благополучия?

— ЕСЛИ БЫ я писал книги, то одну из них назвал бы «Высота принятия решения». У летчиков (причем у каждого это зависит от

были привязаны друг к другу и верны общему делу.

■ Это у вас такой счастливый характер?

— В ОБЩЕМ, наверное, я абсолютный эгоист, самоед, но счастливый человек. Поскольку всю жизнь занимался тем, что мне было интересно. Другое дело, что ничего не разрешили. «Казак» Толстого, к примеру, было можно экранизировать, только если выбросить рассуждения о Боге. «Тараса Бульбу» — тоже нельзя. Катериническая нелинь — «Хаджи Мурата», кстати, его, наверное, и сегодня нельзя. Достоевского — по особому разрешению. Но именно эти сценарии, которые с разными оттенками проходили по категории «нельзя», я писал с радостью и любовью. Статьи говоря, и «Три толстика» одно время притормозили. Но потом вышло постановление ЦК о фильмах для детей. Тогда Роману Быкову дали в Москве деньги на «Айболита», а мой сценарий по книге Олеши взяли на «Ленфильме».

■ А почему было не сделать чего-то советского?

— ВОТ именно тут-то я окончательно провалился. Я сделал, и до сих пор дома лежит. Это был сценарий по прозе Володи Максимова, который мы вместе с ним писали. Но Володя на коллегии сказал «им» все, что он про них думает: ему приказали убрать из сценария сцену ареста отца героя. А потом автор сбежал за границу. Второй попыткой была экранизация Владимира «Три минуты молчания». Вышло точно так же, как с Максимовым: я оказался другом злодея и предателя.

■ Но актерская судьба у вас очень удачная.

— МОЖЕТ, именно потому, что я никогда не снимался лишь бы сниматься. Роли должны предлагать — это нормально. Но главное — научиться от них отказываться. Конечно, сегодня на моем столе тоже лежат сценарии, но мне не интересно то, что в них написано, неинтересны люди, которые делают кино. Дело не в том, главная роль или второстепенная. К примеру, в картине «Летят журавли» я прохожу на экране от силы минут двадцать — всего две сцены и эпизод на войне. Но снимал то фильм Сергей Урусевский. Это из-за него я и ушел из МХАТа и стал учиться на режиссера, и поверил в художественные возможности экрана, и написал специальные сценарии для нашей совместной работы...

■ Неужели не заманчиво сыграть Гошу из фильма «Москва слезам не верит» двадцать лет спустя?

— ДА ЗАМАНЧИВО, конечно. То, что фильм двадцать лет помнят — это еще один счастливый дар судьбы. И я очень благодарен Володе Меньшову, что он меня тогда позвал: он же сам прекрасный актер и сам бы мог стать Гошей. А роль такая *самонаправленная*, что ее просто невозможно сыграть плохо. Но если говорить о продолжении, мне оно не кажется необходимым. Там же все кончается хеппи-эндом. А хеппи-энд делается из того, где при монтаже режиссер историю оборвет — важно только в нужном месте обрезать. Как-то Толстого спросили, почему он плохо относится к Мопассану. Лев Николаевич ответил: «Он не же заканчивает роман тем, что они поженились. У меня такое впечатление, будто человека впустили в клетку с тигром и на этом прервали повествование». Так что история совместной жизни по-русски — это «Анна Каренина». А ее уже сняли, и не раз.

Подготовила Ирина ЛЮБАРСКАЯ Фото Артема ЖИТЕНЕВА

Моей газете всего, что и себе желаю в эти тяжелейшие времена. Терпения и свершений